

Ю Л И Я   Р Е З Н И К

СКРЫТЫЕ
ЧУВСТВА

Юлия Резник

Скрытые чувства

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67893756

Аннотация

– Как мне его вернуть? – шепчу в отчаянии, глядя на фото бывшего в обнимку с какой-то девушкой.

– Легко! Найди достойную замену, и он сам к тебе прибежит, поджав хвост.

– Да где же мне ее искать? – горько усмехаюсь я, а Лера приподнимает бровь и с намёком косится туда, где, меряя шагами больничный коридор, бродит сам Князев.

Я нервно слатаываю. Может быть, он действительно тот, кто мне нужен? Богатый, взрослый, влиятельный... И явно во мне заинтересованный.

Я бросаюсь в отношения с ним, как в омут. Напрочь забыв о том, как опасно играть на чувствах. Особенно на чувствах тех, чья власть над тобой безгранична.

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	34
Глава 5	45
Глава 6	57
Глава 7	67
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Юлия Резник

Скрытые чувства

Глава 1

Иван

– Может, подойдем?

Отрываюсь от разглядывания извивающейся на танцполе девушки и недоуменно смотрю на зама.

– Ну, а что? Девушка вас явно заинтриговала, а до встречи еще есть время, – не моргнув глазом, поясняет тот и подносит к губам бокал с янтарного цвета пойлом. Чему Антон научился – так это держать лицо. Даже под моим холодным взглядом, в котором явно читается, как неуместно его предложение. И куда он с ним может пойти.

– Нет, – обозначаю коротко и отворачиваюсь. К девушке, на которую действительно пялюсь. Тут Антон не ошибся. А впрочем, я и не скрывал свой интерес.

Девчонка двигается совсем не так, как большинство девиц на танцполе. И, наверное, поэтому к ней прикованы взгляды многих хищников, собравшихся здесь. Невольно хмурюсь.

В моей голове хранятся килобайты информации, в системе хранения которых не так-то просто отыскать нужный файл. Но я нахожу, распаковываю из архива и вспоминаю,

что мать девчонки в прошлом – балерина. Может, эта грация той передалась от матери на уровне генетической памяти. А может... Снова напрягаюсь, чтобы вспомнить имя девчонки. Жанна! Может, она сама ходила в танцевальную студию. Или какой кружок. Этого я не знаю. Такого рода информация выходит далеко за рамки моих интересов. И на девчонку я обращаю внимание лишь потому, что узнаю в ней дочь погибшего бойца. Одного из лучших в моем ведомстве.

Ну, и чего греха таить, она действительно неплохо танцует.

Я готов отвернуться, когда замечаю, как к ней подваливает Алик. Личность широко известная в узких кругах. Будь Михей жив, и на пушечный выстрел не подпустил бы того к своей дочери. Вжимаю пальцы в перила балюстрады, отделяющей нашу ложу. И посылаю ей мысленный сигнал – не вздумай!

К счастью, девчонке хватает ума не вестись на подкат. Значит, мозги на месте. Но она все же допускает ошибку. Нельзя вот так в лоб говорить «нет». Для таких, как Алик, это все равно, что матадорский капоте для быка. Вызов.

Интересно, как она сюда попала? Все же этот клуб – элитное место. Для людей определенного круга. А не какая-нибудь школьная дискотека. Собственно, поэтому мы и здесь.

Смотрю на часы. До назначенной встречи еще достаточно времени. Мелькает мысль отправить девчонку домой. Но я тут же себя одергиваю. Это не мое дело. Хочет приключений

– кто я такой, чтоб мешать?

Интересно, она хотя бы совершеннолетняя?

– Пойдем. Подождем их в переговорной.

Переговорная – небольшой отдельный кабинет, оборудованный специальным образом так, что никакая запись и никакая прослушка здесь в принципе не возможны. Отличное место для встречи. Если ты руководишь разведкой. Впрочем, гребаные технологии достигли такого уровня, что не лишне все проверить еще раз. Чем и занимаются мои спецы, пока мы с Антоном бездельничаем.

Переговоры проходят успешно, но занимают чуть больше времени, чем я планировал. Я чертовски устал. А до дома еще добрый час. Пусть даже и в положенном мне по статусу кортеже с мигалками. Впрочем, винить мне некого. Я сам выбрал жизнь за городом. На старости лет неожиданно потянуло к земле. Криво улыбаюсь своим мыслям. И первым толкаю дверь.

После абсолютной тишины переговорной, нарушаемой лишь нашими тихими голосами, мозгу нужно некоторое время, чтобы привыкнуть к многочисленным звукам. А пока кажется, что каждый имеет вес. Музыка, доносящаяся с танц-пола, смех, звон бокалов. Я слышу даже шуршание кубиков льда в шейкере, который активно трясет бармен. Выхватываю отдельные слова...

– Извините, но я уже ухожу.

– Не так быстро.

– Вы делаете мне больно! Отпустите!

Слышу в голосе слезы. Зря. Они как кровь для пираньи. Притягивают.

Колеблюсь.

Мы в VIP-зоне ночного клуба, которая, подобно балконным ломам в театре, опоясывает танцпол по кругу. Все, что происходит внутри – скрыто от глаз любопытных. Приватность здесь – не пустой звук. Фактически я слышу то, что слышу, лишь потому, что у меня тренированный слух. Который с годами хоть и стал не таким острым, но все же.

– Отпусти меня сейчас же, придурок!

Дерзкая. Сколько времени понадобится, чтобы ее сломить? Готов поклясться – немного.

Почему-то чувствую себя как никогда старым, проходя мимо. Но когда ситуация резко меняется, рефлексy срабатывают, как и раньше. Стремительным движением уклоняюсь от летящей прямо на меня двери, из которой вываливается... Жанна. Кажется, так. Да. А следом за ней – Алик.

Дерьмо. Мог бы и догадаться.

Поймав мой взгляд, тот на секунду отлипает от девчонки. Узнав. Взвешивая, как себя повести дальше. Черт. Мне совершенно не нужно дополнительное внимание. Черчу глазами линию. От него. К девчонке. А эта дура – нет, чтобы, воспользовавшись таким шансом, сбежать, стоит и на меня пялится.

– Иван С-Савельевич...

Ну, надо же. Узнает. И имя запомнила.

Вздыхаю. Что ж. Придется вмешаться.

– Пойдем, – бросаю ей, нисколько не сомневаясь, что мне Алик возразить не посмеет. Кишка тонка. – Разберись здесь, – киваю Антону.

Повторять дважды мне не приходится. Стуча каблуками, Жанна устремляется вслед за мной. Так быстро, что ее смешно заносит на поворотах. А вот мне вообще не до смеха.

Приятный вечер в уюте собственной избушки отодвигается на неопределенное время. И все сильнее проступает перспектива ночевки в городской квартире.

Спускаемся вниз по ступенькам. К двери. Прикладываю трубку к уху, веля подать машину. Кажется, у Михея квартира где-то на юго-востоке. И будто читая мои мысли, девчонка произносит:

– У меня нет ключей. Ничего нет. Я не знаю, где моя сумочка.

И шмыгает носом. Ее немного трясет. На дворе в разгаре весна, но тепло обманчиво. Чувствуется, что свои позиции у зимы та отвоевала совсем недавно. Впрочем, я не думаю, что виной девичей дрожи – холод. Скорее шок.

Стаскиваю с себя пиджак и кладу Жанне на плечи. Я далеко не Шакил О’Нил. Но девчонка совсем Дюймовочка. И мой пиджак укрывает ее почти до колен.

– В сумочке есть что-нибудь ценное?

Жанна трет глаза, размазывая густой макияж.

– Все. Телефон, ключи, паспорт. И зачетка...

Зачетка. Значит, не школьница. Хотя, что это меняет?

Вглядываюсь в лицо. Разукрасилась она, конечно, дай боже. Тушь под глазами, помада тоже поплыла, отчего её непропорционально большой рот выглядят так, будто ее по нему ударили. А может, так все и было.

Страхиваю с себя ненужные мысли. Снова подношу к уху телефон.

– Антон, девочка забыла сумочку в клубе. Поручи кому-нибудь разобраться.

Девчонка всхлипывает и кутается в пиджак.

– Мать не вернулась? – спрашиваю, вспомнив, что та уехала практически сразу после похорон в длительную заграничную командировку.

– Нет.

– Дедушки-бабушки? Подруги?

Куда-то мне ее нужно пристроить. Чем раньше, тем лучше. Я вообще не понимаю, как в это вляпался, и хочу скорее со всем покончить. Нетерпеливо осматриваюсь и, к счастью, сразу замечаю свою машину. Осторожно за локоть подталкиваю девчонку в нужном направлении, открываю дверь и помогаю той забраться в салон. Платье Жанны слишком короткое. В свете включившейся при открытии дверей лампочки я замечаю гораздо больше, чем следует. М-да... Сажусь рядом. Ловлю вопросительный взгляд водителя. В нем нет ни капли любопытства. Просто вопрос – куда прикажете ехать?

– Так что? Тебя куда? – спрашиваю нетерпеливо. Девчонка почему-то молчит, нервно сжимая и разжимая пальцы на слишком длинных для нее рукавах моего пиджака. – Жанна! Ты в порядке?

Она, наконец, отрывается от разглядывания чего-то в окне. Тонкие руки ползут вверх по предплечьям. Выглядит это так, будто она пытается сама себя удержать. Хрен его знает, от чего. Мне категорически это не нравится. Включаю свет. Поднимаю взгляд. И словно проваливаюсь в черные провалы ее глаз.

– Блядь, – комментирую я увиденное и тут же требовательно интересуюсь. – Ты что-нибудь принимала?

Жанна тормозит. Облизывает губы и медленно ведет головой из стороны в сторону.

– Нет.

– Послушай, мне врать не нужно...

– Я не вру. Я не принимаю наркотики. Если вы об этом.

Её напрочь исчезнувшие из-за расширенных зрачков радужки свидетельствуют об обратном. Матерюсь про себя. Задираю рукава, проверяю на всякий случай вены. Хотя понимаю, что нынче масса других способов вмазаться, и что девчонку могли опоить. Пока я соображаю, как поступить, ладони Жанны отлепляются от предплечий и соскальзывают на диван. Она как-то странно ерзает. И сжимает ноги... Твою в бога душу мать!

– Ты пила что-нибудь? Ну, вспоминай? Алик тебя уго-

щал?

Казалось бы, мне нет никакой разницы. Но привычка до-
капываться до сути дает о себе знать даже сейчас.

Жанна смотрит на меня непонимающе. Кусает губы. И ер-
зает, ерзает... Все больше утрачивая контроль. Затянись моя
встреча еще хоть на десять минут, она сдалась бы без боя. И
Алик сполна получил бы свое. Девочка возбуждена до пре-
дела. А дальше все будет только хуже.

– Вы думаете, мне что-то подсыпали?

– Видишь, все ты знаешь. Так как могла такое допустить?

Сам себе кажусь строгим папочкой, отчитывающим непу-
тевую дочь. Неожиданно мерзкое чувство.

– Куда все же едем, Иван Савельич?

Вновь перевожу взгляд на Жанну.

– Я не могу поехать к бабушке в таком виде. – Сквозь стук
зубов с трудом различаю слова.

«Вот уж точно», – думаю я. Устало тру лицо. Еще раз все
взвешиваю и...

– Давай домой. Да побыстрее. Может, еще успею...

Посидеть на веранде, подставив харю ветру, срывающему
с абрикосов цвет. Да жаб послушать, коих на пруду в этом
году развелось как никогда много.

Когда я успел так устать от этой жизни?

– Может, девочке воды? – спрашивает водитель, когда на-
ши с ним взгляды встречаются в зеркале заднего вида. Мы
едем минут пятнадцать. И с каждой секундой Жанне все ху-

же.

Я бы начал беспокоиться о дозировке, если бы не знал, что Алик в этом деле спец. Он хотел ее трахнуть, а не убить.
— Давай.

Забираю из рук Петровича бутылку воды. Свинчиваю крышку и протягиваю девочке. Та покладисто забирает. Подносит горлышко ко рту. Но напиться не получается. Слишком руки дрожат. И зубы дробью... Она вся сейчас, как оголенный нерв. Я сам никогда не пользовался стимуляторами, но, тем не менее, прекрасно понимаю, как они действуют. Мне ее почти жаль.

Девчонка всхлипывает. Ее ведет. Она невольно заваливается на бок. Прижимается ко мне со стоном. Ее сердцебиение разогнано до скорости пулеметной очереди. Дыхание к херам сбилось. Бутылка воды, которую она продолжает удерживать в руках, ходит ходуном и заливает нас обоих. Может, и к лучшему. Ей точно нужно остыть.

Жанна трется об меня кошкой. Нам ехать еще где-то с полчаса. А потом её можно будет попытаться реанимировать. С помощью холодного душа и крепкого чая.

С тоской понимаю, что на веранде мне не посидеть. Придется с ней возиться. Колесо попадает в яму. Машину немного подкидывает. Жанна тихо стонет. Петрович с сочувствием на нее смотрит. А я зачем-то поднимаю разделяющую нас с водителем перегородку. В конце концов, без лишних глаз ей будет лучше.

– С-спасибо... – шепчет она, вскинув голову.

Ну, вот. А я что говорил? Лучше... Благодарит, вон. И смотрит. Так смотрит, что совершенно неожиданно для себя я понимаю, что откликаюсь. Смешно. Девчонка обдолбана вусмерть. И то, что она сейчас делает, никоим образом не коррелируется с ее истинными желаниями. Отсюда и стыд в глазах, пробивающийся даже через тлеющий занавес похоти.

– Скоро отпустит, – изобразить равнодушие стоит некоторых усилий. Мой голос звучит слишком хрипло. Даже для меня самого.

– Из-звините, – повторяет в который раз. И даже пытается отстраниться. Но машина как раз входит в крутой поворот, и она, напротив, заваливается на меня всем телом. Тонким. Хрупким. Девичьим. Пробуждая в памяти давно забытое. Мне... сколько? Лет двенадцать, наверное. Столько же и соседской девочке, в которую я влюблен. Горячо, навсегда, без памяти, как только в первый раз и бывает.

Отстраняюсь, понимая, что мое состояние имеет такое же посредственное отношение к прижавшейся ко мне девчонке, как и ее – к моему обаянию. Меня будоражит память. Ее – возбудитель. Ситуация – дебильнее не придумаешь.

Ей все же удастся взять себя в руки и максимально от меня отодвинуться. Усмехаюсь, глядя на проносящийся за окном город, и, стараясь действовать незаметно, шевелюсь, чтобы ослабить давление в брюках.

Глава 2

Жанна

Меня будят незнакомые звуки. Довольно навязчиво они повторяются снова и снова. Заставляя меня проснуться. Первое, что вижу – окно, задернутое кружевной занавеской, тень от которой колеблется по залитому солнцем полу. Вдруг где-то, похоже, внизу, хлопает дверь. От сквозняка шторка надувается парусом, и в приоткрытую форточку проникает смолистый аромат только что распустившихся листьев, абрикосовый дух и озон. На то, что был дождь, указывают и хрустальные капли на стеклах.

На какой-то миг кажется, что я снова вернулась в детство. На старую дачу, которую снял отец для нас с мамой на лето, когда у меня в неполные шесть вдруг обнаружилась аллергия. Меня поочередно обдает волной радости, а следом – холодным ознобом. Я давно уже не ребенок. И папы больше нет...

Нервно дергаюсь в попытке встать, но влажная от моего пота простынь липнет к телу и сковывает не хуже смиренной рубашки. До того, как я понимаю, что это всего лишь простынь, меня догоняет паника. И мне требуется некоторое время, чтобы с ней совладать. Когда получается освободиться, с трудом поднимаюсь с кровати и опускаю ноги на прохладный дощатый пол. Ухмыляюсь своим детским страхам –

ну, не маньяк же меня похитил! Конечно, нет. Тогда какого черта? Где я?

Внизу что-то гудит. Похоже на блендер. Или миксер. Уютные домашние звуки разбавляют другие, проникающие в окно. Шелест ветра, громкий крик петуха, отдаленный грохот железной дороги, гудок электрички. Определённо, я нахожусь за городом. Осталось выяснить, где. Напрягаю память. И понимаю, что у меня чудовищно, невыносимо, до темных кругов перед глазами болит голова. Касаюсь висков прохладными пальцами. Становится легче. Но ненадолго. Цежу воздух через плотно сжатые зубы. Не делая никаких резких движений, от них только хуже, неторопливо осматриваюсь. Хочу найти сумочку, а вместо нее обнаруживаю на тумбочке высокий стакан с водой и коробочку с обезболивающим. Что тоже неплохо в моем случае.

Интересно, это кто же у нас тут такой заботливый?

Выдавливаю на ладонь сразу две таблетки из блистера. Но подумав, откладываю одну в сторону. Во мне сорок пять килограмм веса. Куда мне двойная доза?

Воспоминания о вчерашнем дне возвращаются обрывками киноплёнки. Я застываю, сидя на постели с нелепо открытым ртом. Тошнит. Я сглатываю и, не в силах больше оставаться в неведении – ожидание смерти всегда хуже ее самой, плетусь вниз. Моих вещей нет, поэтому я иду в футболке с чужого плеча, которую мне любезно выделили. Кто? Я не знаю. Как не знаю и того, кто помог мне ее надеть.

Это определенно мужчина. На нем толстовка, капюшон которой он не потрудился снять, и спортивки. Я молчу, скованная вернувшимся страхом. Может, это и глупо, но я до последнего надеялась увидеть кого-то из подруг.

Пока я, испуганная, топчусь в пороге, мужчина добавляет банан в высокий блендер. Накрывает тот крышкой и, для надежности прикрыв еще и рукой, нажимает на кнопку пуска. «Вжужужужу» – прокатывается по моим нервам и ударяет в виски. В глазах темнеет. Но перед этим я успеваю заметить, что руки-то у него вполне мужские. В смысле, я сразу поняла, что передо мной особь мужского пола. Но только сейчас дошло, что это не парень из соседней группы и не брат одной из моих приятельниц, а вполне себе взрослый мужик.

– Ну, и долго ты планируешь там стоять?

Мужчина все так же повернут ко мне спиной. И я вообще не понимаю, как он догадался, что больше не один. Шла я на цыпочках.

– К-кто вы? – вопрос на миллион. Но я и впрямь не очень помню, чем закончился вчерашний вечер. А то, что помню – кажется мне нереальным. И таким стыдным, что я стараюсь об этом не думать.

– Значит, все же наркотическая амнезия, – как-то невесело усмехается мужчина и поворачивается ко мне, скидывая с головы капюшон.

Я, наверное, бледнею. Или как-то меняюсь в лице. Потому что его кривая ухмылка гаснет. И он, будто подобравшись

весь, застывает у барной стойки, на которой готовит... протеиновый коктейль?

Обрывки киноплёнки взмывают перед глазами и выстраиваются в хронометражном порядке. Я вспоминаю, как узнала, что мне изменил Илья – парень, с которым мы встречались уже три года, как Лерка вытащила меня в суперкрутой клуб, чтобы я «пришла в себя», как там ко мне подкатил какой-то придурок... Как страшно мне было, когда я поняла, что он не воспринимает всерьёз мое «нет». Как я, захлебываясь паникой, с ним боролась. И, конечно, как мне помог стоящий напротив человек.

Я чувствую отвратительный распирающий горло ком и выбегаю из кухни прежде, чем содержимое моего желудка выплеснется ему под ноги.

– Туалет направо! – замечает он, следуя за мной по пятам.

Иван Савельевич говорит совсем тихо. И по идее его голос вообще должен был поглотить топот моих босых пяток, но каким-то магическим образом я слышу его отчетливо. Толкаю дверь, падаю на колени перед унитазом, и меня выворачивает наизнанку.

Шеф моего покойного отца. Крутой чувак, которого регулярно показывают по телеку. Стоит за спиной и придерживает мои волосы. Я не знаю, что более унижительно – это? Или то, как я себя с ним вела в машине. Мне хочется убежать. Раствориться... Я нажимаю на слив бачка, и почему-то кажется, что вместе с содержимым желудка в канализацию

смывается и мое чувство собственного достоинства. Надеюсь, он не станет меня шеймить, потому что во мне нет абсолютно никакой уверенности, что я вынесу это сейчас.

И он, о боги, действительно воздерживается от комментариев. Лишь замечает:

– Лучше?

– Да, – отвожу взгляд.

– Я думал отвезти тебя домой, но вижу, что пока тебе следует отлежаться. Таблетки выпила?

Киваю и отвожу взгляд к унитазу. Он понимает намек. Кивает коротко. Ведет по светлой бритой почти под ноль голове рукой.

– Попробуй еще раз, запив меньшим количеством воды. И попытайся уснуть.

– Извините, – говорю я невпопад. Хотя, что тут еще скажешь? «Вызовите такси»? Так я не продержусь до города. Меня мутит. И вдруг я вспоминаю, что так и не нашла своей сумочки.

– Моя сумочка...

– О ней позаботились. Отдадут, когда вернемся в город.

Накатывает новый приступ тошноты. Я хватаю ртом воздух в попытке с ним совладать. Откидываюсь спиной на стену.

– Все нормально? – спрашивает Князев. Я медленно поднимаю ресницы и ежусь под его взглядом. У этого мужика совершенно невообразимая аура. И волчьи глаза. От него

волнами исходит опасность. Но... прямо сейчас – это то, что мне нужно. Мне бы было тепло и уютно, если бы не было так стыдно и плохо.

Все нормально? Нет. Давно уже нет. С тех пор, как умер папа.

Все хуево. И это длится, кажется, сто миллиардов лет. Это продолжается так долго, что я забыла, когда мне было хорошо. Смерть отца все изменила. Перевернула мою жизнь с ног на голову. Так что на фоне этого глобального пиздеца измена Ильи – так, рядовое событие. Но обида один черт выжигает меня изнури до пепла.

Говорят, что боги не засчитывают в срок жизни моменты радости. Что ж. Значит, последний год занесен в него весь. Подчистую.

Возможно, я бы перенесла все намного легче, будь моя прежняя жизнь чуть менее радостной. Но я росла счастливой девочкой, которую окружали забота и любовь. Не только родителей, но и сослуживцев отца. Так уж вышло, что я была единственным ребенком в их поле зрения. И вся любовь, все их обожание доставалось мне одной. Баловали меня нещадно. И обращались со мной как с принцессой. Поэтому у меня всегда был полный порядок с самооценкой. Даже в подростковом возрасте, когда у всех девочек с этим проблемы. Я ни-сколько не сомневалась, что впереди у меня счастливая беззаботная жизнь, полная приключений. И жила в своем идеальном бабле, когда гнилая реальность этого мира обруши-

лась на меня исподтишка и сразу в полную силу.

– Жанна! Жан, ну, подожди ты! – всплывает в памяти наш последний с Ильей разговор.

– Чего тебе?

В моем голосе звенят слезы. Хотя казалось, жизнь здорово меня закалила, и я выплакала их все.

– Я не хотел, чтобы ты обо всем узнала... так.

– Что, правда? Так какого же хрена не сказал, что таскаешься с другой?

– Потому что это ничего не значит!

Смотрю на него и чувствую, как натягиваются нервы. Он – моя первая любовь. Мы три года вместе. Я думала, у нас все серьезно... Я мечтала, как мы поженимся. Родим детей и состаримся. Ч-черт. Еще немного, и я действительно зареву.

– Меня это не касается. Убери руки!

– Давай! Давай, вали все на меня! – орет Илья и бьет кулаком в стену, прямо у моего лица. В его синих глазах ярость. В его синих... таких красивых глазах.

– А кто? Кто в этом виноват? – ору в ответ. Мы посреди коридора в универе. И у нашего разговора все больше свидетелей. К черту. Поворачиваюсь и ухожу. Но он несется следом за мной и хватает за руку.

– Ты сама меня байтила! Вспомни, как прошел этот год. Я... черт, я ведь пытался, Жанна. Я пытался тебя отвлечь. Пытался понять, как тебе нелегко после смерти отца. Я делал все, что было в моих силах, чтобы вытащить тебя. Был ря-

дом, когда ты плакала. Забивал на друзей. Звал тебя куда-то, а ты постоянно отказывалась. А секс? Ты можешь вспомнить, когда мы в последний раз трахались? Нет? Я тоже не могу. Ты меня динамила! Я ждал, когда ты оправишься. Но, похоже, зря. Тебе просто нравится страдать. Нравится, что тебя все жалеют. Скажешь, я не прав?!

Бросаю на него последний взгляд и ухожу. На два дня закрываюсь дома, отключив телефон и компьютер. На свет меня вытаскивает Лерка, достав для нас приглашение в тот самый клуб. Она приходит ко мне и жмет на кнопку звонка, пока я не открываю. Какого черта я согласилась? Лучше бы еще посидела дома...

– Жанна! Тебе нехорошо? – врывается в мысли ровный чуть хрипловатый голос.

Я распахиваю глаза. Иван Савельевич очень близко. И это нервирует. На его смуглом лице румянец, лоб в испарине. Очевидно, он занимался спортом, до того как решил приготовить себе коктейль. Отец тоже регулярно тренировался.

– Мне, наверное, и впрямь лучше прилечь, – он кивает, и я торопливо добавляю: – Я уберусь сразу, как только смогу.

– Об этом не беспокойся.

Князев отступает, давая мне пройти. И неожиданно меня накрывает ароматом его разгоряченной кожи. Улавливаю нотки белого кедра и чего-то горького... Перец? Телом проносится дрожь. И если я думала, что ничего хуже уже не может быть, прямо сейчас, видя затапливающее серебро его

глаз понимание, осознаю – еще как может.

Отворачиваюсь и на всех парах несусь вверх по лестнице. Ну, и пусть меня в очередной раз вырвет. Главное – не стоять там и не позориться. Как... какая-то конченная нимфоманка. Захлопываю за собой дверь. И не без усилия возвращаю себе контроль.

Это просто последствия употребления наркоты. Ничего больше. То, что в том клубе мне подсыпали возбудитель – я понимаю еще в машине. Понимаю и, ничего не в силах с этим поделать, лгну к Князеву. И об него трусь. Живот сковывает судорогой. Мокрые насквозь трусики врезаются в промежность. И мне кажется, что я могу кончить от одного только этого.

Прав Илья. У нас очень долго не было секса. Возможно, будь все иначе, я бы перенесла действие возбудителя легче. Возможно, будь все иначе, до этого вообще бы не дошло. Ведь я пошла в тот злосчастный клуб, чтобы, как и все брошенки, что-то доказать бывшему. Зачекиниться в пафосном месте. Запостить пару сториз в Инстаграм. В надежде, что он увидит, как мне без него офигенно весело.

Может, во всем и впрямь виновата я сама?

Тру гудящие виски и возвращаюсь в постель. Воспользовавшись советом Ивана Савельевича, закидываюсь таблеткой. Делаю маленький глоток воды и забираюсь под сырую простынь. Наверное, мне стоило сменить белье. Но Князев уже и так сделал для меня столько, что... просить еще о чем-

то стыдно. Стыд – это едва ли все, что я сейчас чувствую. Кроме боли. Закрываю глаза, хотя не очень-то верю, что мне удастся уснуть. Но, к удивлению, сон приходит едва ли не в тот же миг.

В следующий раз меня тоже будят незнакомые звуки. Детский смех, которому вторит голос Ивана Савельевича. Прислушиваюсь к себе. Убеждаюсь, что мне гораздо лучше. И, не сдержав любопытства, выглядываю в окно. Моему взгляду открывается удивительная картина. Вижу Князева, о чем-то мирно беседующего с рыжей маленькой, похожей на гнома, девочкой.

Глава 3

Инна

Домик совсем крохотный. Скорей это даже флигель на две комнаты. Небольшой коридорчик, плавно перетекающий в то, что сейчас бы назвали кухней-гостиной, спальня и крохотный санузел, наличие которого было моим главным условием при съеме дома. Удобства – вот без чего мне не обойтись. Не для того мои предки в свое время перебрались из глухой деревни в столицу, чтобы спустя десятки лет их прямые потомки морозили зад в уличном сортире с дыркой в полу.

Улыбаюсь собственным мыслям и достаю из коробки заботливо упакованные тарелки из лимонной коллекции Villerooy&Boch. Предусмотрительно убираю их из поля зрения дочери. Леська очень активная, а тарелки космически дорогие. Я на них спустила всю премию, которую получила вместе со званием майора. Вопрос на миллион – зачем я притащила их сюда? В дачный домик, куда смогу выбирать-ся от силы раз в неделю до наступления отпуска.

Хотя, надо признать, это вопрос риторический. Все я понимаю...

Отдергиваю занавески в цветочек и вытягиваю шею в попытке рассмотреть владения Князева. Есть еще одна причина, почему я сняла именно этот домишко. Его близкое

расположение к дому моего непосредственного начальника. И... любовника. Он никогда ничего мне не предлагал, мы не строили планов на жизнь, он даже к себе за город меня не звал, но когда узнал, что я подыскиваю дачу, будто бы между делом заметил, что его соседи как раз сдают небольшой домик. И вот я здесь. Взволнованная просто донельзя. В этом жесте Ивана мне видится намек на продолжение. На стремление к чему-то большему, чем то, что у нас уже есть.

Может быть, я полная дура. И выдаю желаемое за действительное. Не знаю. Но тарелки здесь... Здесь продукты, из которых я хочу приготовить ужин. Красное вино для меня и бутылка хорошей водки для него. Вообще Князев практически не пьет. Но если все же позволяет себе расслабиться – это всегда водка.

Иногда мне кажется, что я знаю все о его вкусах. А потом понимаю, как самонадеянны эти мысли. Его никто не знает. Даже родная мать. Он – непостижимый бескрайний космос.

Щурюсь на ярком солнце, пробивающемся сквозь мельтешение листьев. Хорошо, что мы все же выбрались. Обложной дождь чуть не заставил изменить планы. Лишь в последний момент я доверилась не всегда надежному прогнозу погоды. И не прогадала.

Открываю окно, чтобы впустить в дом свежий воздух. Рамы деревянные, выкрашенные белой краской, но их состояние вполне приличное. Створка отворяется без усилий. В комнату врываются сочные ароматы весны, отсыревшей зем-

ли и дымка. Тепло еще обманчиво. Некоторые топят печи...

Замечаю желтый плащ Леськи, мелькающий среди кустов сирени. Окидываю взглядом цветущие деревья, поросший травой сад и заброшенную клумбу с чудом пробившимися тюльпанами. Леська хохочет и тискает приبلудившегося кота. Что-то рассказывает усатому. Гладит того маленькой ручкой. Милая глазу любой матери картина, но мой взгляд все равно соскальзывает дальше. Я всматриваюсь в контуры дома на соседнем участке, и сердце колотится чаще. Наверное, я пропащая, потому что эта картинка вызывает во мне гораздо больше трепета, чем предыдущая. Злюсь сама на себя.

Опираюсь двумя руками о подоконник и кричу:

– Лесь, смотри, далеко не ходи! Слышишь?

Та кивает головешкой. Тонкая шапочка съезжает ей на глаза, и она снова хохочет. Я тихо вздыхаю и принимаюсь разбирать пакеты с едой.

Не знаю, почему я решила, что Князев придет на ужин. Я его даже не приглашала. Более того, он вообще не в курсе, что мы уладили формальности с собственниками дома. И что я планировала приехать. Мы в принципе мало говорим на отвлеченные темы. В основном все беседы у нас о работе. За девять месяцев наших странных отношений мы лишь несколько раз ужинали в ресторане, а однажды, после выездного совещания, забрели с ним в музей.

Резонный вопрос, как такими темпами у нас вообще дошло до секса?

Я не знаю. Просто иногда ты понимаешь, что иначе не может быть. И подчиняешься этому факту, несмотря на надрывающийся внутри здоровый смысл.

Была ранняя осень. Мы задержались на работе. Иван поднял взгляд и держал меня на нем, как на привязи, пока я сама не подошла и не опустилась перед ним на колени.

Может быть, он владеет гипнозом. Но с первого его касания я ощущаю себя выдрессированной под них. Настроенной, как радио, которое включаю, чтобы отвлечься от своих воспоминаний.

Черт! Я не должна об этом думать. Не должна углублять, мечтать и заниматься прочими глупостями. Но я все равно то и дело соскальзываю к мыслям о том, как это – быть его женщиной? Просыпаться с ним в одной кровати. Спрашивать что-то, пусть даже глупое. Вместе готовить ужин. Планировать отпуск. Да просто звонить ему по поводу и без. Когда соскучишься.

А я ведь обещала себе этого не делать! Клялась сохранять дистанцию, которую он сам без слов обозначил, и сопоставимый с его здоровый, мать его так, уровень вовлеченности.

Вспоминаю, что забыла включить холодильник. Исправляю ситуацию и, устало растерев лицо, выхожу из дома. Под ногами уютно поскрипывают деревянные ступени крыльца.

– Леся! Ле-е-есь? Ты где, моя хорошая? После кота нужно вымыть ручки. Он может быть лишайным... Ле-е-есь!

Он знает, что у меня сын и дочь. Но никогда их не видел.

А я... Опять же это ошибка, но я хочу, чтобы Князев узнал меня и с этой стороны. Увидел нас вместе. Хотя бы с Леськой. Нику скоро двадцать, и поездка на дачу с матерью – это не то, о чем он мечтал. С друзьями – другое дело. Сынок уже поинтересовался, сможет ли сюда как-нибудь нагрянуть с приятелями на шашлыки. В принципе я не против. С головой у того все в порядке. И я знаю, что мне не будет за него стыдно.

Обхожу участок по кругу, но Леськи нигде не видно. Чувствую, как затылок сковывает холодом. Паника набрасывается на меня голодной псиной. Что ж я за дура? Ребенок находится здесь впервые, а я... Зажмуриваюсь, перебирая в уме все те опасности, что могли подстергать шестилетку на участке в десять соток. Она могла упасть в колодец, если он есть. Провалиться в очистную яму. Но прежде, чем я окончательно схожу с ума, слышу Леськин звонкий смех. От облегчения слабеют колени и мурашки выбираются из своих укрытий. А может, виной всему хриплый голос, что вторит голосу моей дочери.

Оглядываюсь в попытке понять, откуда идет звук, и замечаю, наконец, почти заросшую тропинку. По ней уже бегу.

– ... а он возьми и убеги! А я за ним... Думаю, назову его Шустрик.

– Хм... А ты не думаешь, что твои родители будут против?

– Чего?

– Против кота.

Замираю за раскидистой елью, наблюдая удивительную картину. Я ни разу не видела Ивана в обычной одежде. Я вообще слабо представляю его без костюма. Точнее, голого я его представляю очень хорошо, но вот чтобы в спортивном... Это что-то новенькое. Ему идет. Он выглядит... ослабленное, чем когда-либо.

– Нет. Он хороший, – трясет Леська рыжими кудряшками и добавляет: – Я Леся. А там – наша... – хмурит рыжие бровки, вспоминая нужное слово: – Дача.

– Твоя мама не будет беспокоиться, что ты ушла?

Князев наклоняет голову к плечу и смотрит на Леську удивительно тепло. Я сглатываю. Может, я не зря решила их познакомить?

– Мама готовит обед.

– А ты ей не помогаешь, значит?

На лице Леськи читается не абы какой мыслительный процесс. В конечном счете, она беззаботно отмахивается от вопроса рукой:

– Нет. В готовке нет ничего сложного.

– Правда?

Мой пульс подскакивает до каких-то совершенно запретных отметок, потому что он в самом деле... в самом деле улыбается.

– Конечно! Идет пар – готовится. Пошел дым – готово.

Это популярный сетевой мем. Но Иван, похоже, не в кур-

се. Потому что он откидывает голову и смеется. И от этого меня ведет, как пьяную. Я отступаю, под ногой ломается упавшая со старой яблони ветка, и они оба смотрят на меня.

– Здравствуй.

Мой голос звучит намного спокойнее, чем я себя чувствую.

– Здравствуй.

Не зная, что сказать, перевожу взгляд на дочь:

– Кажется, я просила тебя никуда не уходить.

– А я и не уходила! Это все он... – маленький пальчик тычет в облезлое недоразумение с перебитым хвостом. – Я назову его Шустрик. Он будет жить с нами.

– Господи, дай мне сил, – выдыхаю в небо.

– Ну, по крайней мере, пока это кот, – посмеиваясь, замечает Князев, намекая, видимо, что потом это может быть и мужчина. С моих губ слетает испуганный смешок. А сердце затапливает радость. Мне ужасно непривычно видеть его таким, но именно такой он мне нравится еще больше. Хотя, кажется, куда уж?

Наверное, мне нужно что-то добавить. Извиниться за вторжение или что-то еще. Но неожиданно даже для себя я говорю совсем другое:

– Я и впрямь готовлю обед. Заходи, если у тебя нет других планов. Должна же я тебя отблагодарить за помощь в поисках дачи.

Мы редко переходим на ты. Практически никогда. Но сей-

час, наверное, глупо выкать. Или нет? Что, если он считает мое «ты» лишним? Я как раз гадаю над тем, не стоит ли мне исправиться, когда из-за дома появляется... девушка. Со-
всем молодая. Мне кажется, я ее видела, но не могу вспом-
нить, где. На ней лишь мужская футболка. И все... Все. Ме-
ня ударяет под дых, прежде чем я велю себе не торопиться
с выводами. Настолько юная девочка вообще не в его вкусе.
А если и в его... Он ничего мне не обещал. Тем более вер-
ности. Мы просто иногда трахаемся к обоюдному удоволь-
ствию. Вот и все.

С чего я вообще решила, что знаю что-то о его ко мне
отношении?

– Привет! – первой приходит в себя Леська. – Я Леся! Жи-
ву во-о-от там. А это мой кот Шустрик.

Девушка слабо улыбается. Выглядит она помято. Как если
бы... Нет, Инна. Стоп. Остановись, ради бога.

– Отдохнула? – интересуется Князев.

– Угу. Я не нашла свою одежду.

– Она в сушилке.

Заставляю себя отмереть. Бормочу какие-то благодарно-
сти и, ссылаясь на то, что у меня на плите что-то там варится,
быстро ретируюсь, подхватив дочь. Та находится в полном
восторге и тараторит всю дорогу до дома, но я не разбираю
слов. Меня знобит, хотя солнце поднялось уже высоко и со-
всем по-летнему припекает.

– Пожалуйста, Лесь, больше не уходи. Я ужасно волнова-

лась, — выдавливаю из себя уже дома. Моя малышка клятвенно обещает больше меня не волновать и опять целиком и полностью сосредотачивается на блохастом. Ладно... В конце концов, я именно для этого сняла дачу. Чтобы ребенок побыл на природе. Где-то тут в огородах, если верить Князеву, течет речушка. А за сосновым бором и вовсе песчаный карьер с прозрачной, как слеза, водой. Купаться еще, конечно, рано, но можно просто пройтись. Проветрить голову. А пока и впрямь нужно заняться обедом.

Достаю пакет с молодой картошкой и принимаюсь чистить. Не отвлекаюсь от этого занятия, даже когда звонит телефон. Зажимаю трубку плечом и бросаю:

— Да?

— Ну, привет, сестра.

— Привет, Светик. Как ты?

— Как я?! Вообще-то я звоню спросить тебя о том же самом.

— Я нормально. Осваиваюсь на даче. Хозяева молодцы. Даже прибрались к моему приезду. Так что ничего не пришлось и делать.

— А этот твой Князев?

— А что с ним? — кошу под дурочку, хотя и понимаю, что с моей младшей сестрицей такой номер не пройдет.

— Ты уже его видела?

Эх... Напрасно, вот напрасно я ей вообще о нем рассказывала. Но с кем еще делиться секретами, если не с родной сест-

рой?

– Да. Видела, – сгребаю очистки со стола в целлофановый пакет, в котором привезла продукты.

– Ну, и что? Не томи! Ты его позвала на ужин?

– Позвала. Да только так и не поняла, принял ли он предложение. Видишь ли... у него были гости.

– Какие еще гости?

– Я не знаю. Девочка. Совсем молоденькая.

Конечно, Светка тут же начинает допрос. И мое настроение портится окончательно. Быстро сворачиваю нашу беседу и, чтобы отвлечься, вытаскиваю Леську на прогулку по окрестностям. Денек хороший. Гуляем долго. Даже видим зайца, с перепугу выскочившего на грунтовку, ведущую к карьере. Я стараюсь концентрироваться на хорошем, но получается плохо. Остаток вечера я провожу, тревожно вслушиваясь в тишину, гадая, зайдет ли Князев. И посчитает ли нужным объясниться. Хотя умом понимаю, что надеяться на это не стоит.

И не ошибаюсь. Вечер мы проводим вместе с Лесей перед допотопным телевизором.

Глава 4

Иван

Присутствие посторонних в собственном доме нервирует. Ведь этот дом – действительно моя крепость. И вовсе не потому, что уровень защиты здесь такой, что комар не проскочит. Скорее, это единственное место на земле, в уединении которого я могу себе позволить расслабиться и делать то, что хочу. А хочу я не так чтобы и много, как выяснилось. Тишины. Уюта. Каких-то совершенно банальных вещей. И если еще три-четыре года назад меня пугали эти стариковские заскоки, то теперь я уже смирился.

Черт с ним. Мы все не молодеем. И, наверное, у каждого мужчины наступает тот самый злополучный кризис среднего возраста, который, как я считал, меня никогда не коснется, ведь мало какой мужик в этой жизни может похвалиться достижениями моего уровня. А кризис среднего возраста – это что-то об упущенных возможностях, не так ли?

Прислушиваюсь к тому, как девчонка устраивается наверху. Беру свой коктейль и выхожу на веранду, все еще удивляясь тому, что Жанну не отпустило. Но еще больше – своей идиотской реакции на ее голые ноги. Или на что там я отреагировал? На первый взгляд кажется, что и не на что.

Опускаю взгляд к собственному паху. Хмыкаю. И откинувшись в садовом кресле, мысленно возвращаюсь в про-

шное. Жанна действительно очень похожа на мою первую и единственную любовь. Чем-то неуловимым. Темными волосами, своей хрупкостью. Я столько бессонных ночей провел, мечтая о той девочке, что даже сейчас, спустя добрых три десятка лет, отзывается. По факту Наташка – единственная моя несбывшаяся мечта. Ее убили. Жестоко. Мученически. Мои полудетские чаяния и сумасшедшая любовь были похоронены в один момент. С ней в гробу. Зато я точно понял, кем хочу стать, когда вырасту. Тяну губы в невеселой улыбке. А ведь и правда, те события во многом определили мою взрослую жизнь, как ни странно. Убийцу Наташи нашли. Не сразу, но все же. Для нее это, конечно, ничего не изменило. Зато смерть этой девочки навсегда изменила меня. А дальше было много всякого... О чем не хочется и вспоминать.

Многие журналисты интересовались, почему я решил сделать карьеру именно в силовых структурах. Вот бы они удивились, если бы я с какого-то перепугу решил рассказать им правду. Сейчас мой образ уж точно никак не вяжется с образом влюбленного парнишки из припорошенного пылью времени прошлого. Был ли он вообще? Тот влюбленный парень...

Разобравшись с природой происходящего в собственных штанах, даю себе команду: «Смирно, Иван Савельевич. Смирно, мать его так, отбой».

Вспоминаю, что хотел переложить дрова в поленнице, и принимаюсь за работу. А через несколько часов скорее чув-

ствую, чем слышу, что на территории посторонние. Медленно оборачиваюсь. Сразу понимаю, чьих будет стоящая передо мной девочка. Настолько она похожа на мать. Отряхиваю руки и подхожу поближе. К рыжей малышке и коту, который прибил к моему дому еще пару недель назад, а потом куда-то пропал.

С детьми я абсолютно не приучен общаться. Но, думаю, это гораздо проще, чем с некоторыми взрослыми. А уж в деле ведения переговоров я – признанный спец. Диалог завязывается будто сам собой. С удивлением замечаю, что совершенно искреннее улыбаюсь в ответ почти на каждую реплику девчушки. Кто ж знал, что дети такие забавные?

Я как раз думаю, как Леську расспросить о матери, когда та появится из-за раскидистой ели. Если бы я не привык контролировать каждую свою эмоцию, то сейчас бы нахмурился. Инна не говорила мне, что собирается приехать. А я не скажу, что рад такому сюрпризу. Не могу отделаться от чувства, что за этим её приездом что-то стоит. Уж не попытка ли проникнуть туда, куда её не звали?

Бесстрастно сканирую ее лицо. Получаю такой же бесстрастный взгляд в ответ. И безликое:

– Здравствуй.

– Здравствуй.

Инна выдает дежурную улыбку, переступает с ноги на ногу и переводит взгляд на дочь:

– Кажется, я просила тебя никуда не уходить.

– А я и не уходила! Это все он... Я назову его Шустрик. Он будет жить с нами.

– Господи, дай мне сил, – Инна запрокидывает к небу лицо, и ее шикарные рыжие волосы ложатся на спину. А на белой почти прозрачной, как и у всякой рыжей, коже горла проступают голубые вены. Картина вполне невинная, но... Я очень хорошо помню, как ее горло выглядит, когда в нем движется мой член.

– Ну, по крайней мере, пока это кот, – выдаю дежурную шутку.

Инна смеется. Её тихий грудной смех сворачивается мягким комом у меня в груди. Даже жаль, что он постепенно стихает.

Секунду Инна как будто колеблется, но замечает все же:

– Я и впрямь готовлю обед. Заходи, если у тебя нет других планов. Должна же я тебя отблагодарить за помощь в поисках дачи.

Только ли за это? Или таким образом она форсирует события? Не то чтобы я возражал. Нет... Скорее, напротив, мне впервые интересно, как это. Настоящие отношения. Но навязчивость меня напрягает в любом виде. В своей жизни я все решаю сам. И надеялся, что уж это Инна понимает отчетливо.

Я все еще анализирую, что означает её предложение на самом деле, когда к нам присоединяется Жанна. В этот момент я целиком сосредоточен на своей любовнице, а потому

успеваю уловить момент, когда с ее лица на мгновение спадает маска невозмутимости и проступает то, что мне совершенно не нравится. То, на что я пока не давал ей никаких прав. Именно по этой причине я не объясняю ей, что Жанна попала ко мне случайно. Оборачиваюсь к девочке и что-то у нее спрашиваю. Инна с Леськой и котом спешно ретируется. Слишком умная женщина, она сразу считывает мое настроение и принимает самое правильное тактическое решение на тот момент.

– Занятные у вас соседи, – замечает Жанна, когда мы возвращаемся в дом.

– Угу, – я достаю ее платье из сушилки и с сомнением перевожу взгляд на девчонку: – Вряд ли это подходящая одежда для этого времени суток.

– Если у вас найдутся для меня какие-нибудь штаны, можете смело растопить им печку, – она бросает полный ненависти взгляд на платье и обхватывает себя руками. Еще купая ее, обдолбанную, я заметил синяки на ее теле. Теперь те проступили отчетливее.

– Сильно тебя эта мразь? – замолкаю... Жанна поднимает ресницы. И я уже в который раз тону в черноте ее глаз.

– Да так. Ему тоже досталось.

– Серьезно? – усмехаюсь. А она не смеется. Напротив, серьезно так на меня смотрит:

– Да. Меня папа тренировал. На такой вот пожарный случай.

– Так, может, зря я влез?

– Нет. Я вам очень благодарна. Он же был не один. И мало ли, чем бы все закончилось. – Жанна трет одну по-жеребьячи поджарую ногу о другую и переводит тему: – Так вы мне не одолжите шорты? Или штаны?

Киваю. Иду к шкафу, достаю свои треники. А сам прикидываю шансы на то, что все действительно закончилось в клубе. И по всему шансы эти невелики. Вряд ли Алик простит, что девчонка подняла на него руку. А тем более победила в открытом противостоянии. Даже если это не так. Делаю себе пометку разобраться с этим вопросом. Не сразу поймав себя на том, что пялюсь на нее все это время.

– Я переоденусь в ванной, – Жанна отводит взгляд. Я снова киваю, раздосадованный собственным поведением, и делаю шаг в сторону, чтобы ее пропустить. Она проходит мимо. Прячется за дверью санузла и проворачивает замок. Как будто он сможет меня остановить, если я захочу к ней присоединиться. Как будто я чего-то не видел, когда ее раздевал и держал под холодным душем, пока она смотрела на меня голодными больными глазами...

Напоследок меня обдает ароматом собственного геля для душа, который на ее коже пахнет совершенно иначе.

Понимаю сразу две вещи. Первая – мне следует как можно скорее от нее избавиться. И вторая – мне нужен секс.

Стискиваю зубы. Достаю из гардероба джинсы с рубашкой и переодеваюсь. Сегодня у моего водителя выходной. Жанну

мне придется везти самому. С учетом пробок на это может уйти половина моего законного выходного. Первого полноценного выходного за несколько месяцев.

— Красивая машина, — говорит девчонка, когда мы рассаживаемся. Ее губы немного дрожат, и она кусает их маленькими ровными зубками. Я стараюсь не анализировать этого дерьма. Жанна... вне контекста. Уж точно. Включаю музыку в надежде, что она станет буфером между нами, и выезжаю со двора. Не то чтобы моя езда без охраны была в порядке вещей.

В пробках она засыпает. Дыхание становится глубоким и размеренным. И только глазные яблоки под тонкими веками бегают туда-сюда. Жанна не просыпается, когда я останавливаюсь, чтобы забрать ее сумочку у Антона. Спит, когда я захлопываю за собой дверь.

— Не ожидал, что ты займешься этим лично, — говорю я, разглядывая своего помощника.

— Да. Я тоже, — с намеком усмехается тот и кивает в сторону моего Гелендвагена.

Смелый. За это во многом он и находится на своем месте. Раболепия я не люблю.

— Вы по девочке все выяснили?

— А как же!

— Вот и присмотрите за ней.

— Неужто ей что-то угрожает?

— Если верить первоисточнику, Алик огреб за свою само-

надеянность.

– Хотите сказать, ему эта мелкая наваляла? – Антон вы­глядит по-настоящему недоверчиво.

– Мелкая или нет, она – дочь своего отца. В общем, ты меня понял.

Я возвращаюсь в машину, желая поскорее покончить с этим сюрсом. Вышвырнуть воспоминания о последних сут­ках. Стереть их за ненадобностью.

– Жанна... – зову. Наверное, слишком тихо. Надо бы по­вторить. Громче. А я на мгновение залипаю на ее юном лице. Не удержавшись, трогаю идеально гладкую щеку. Моя рука на ней кажется инородным телом. Я отдергиваю ладонь, но прежде она успевает открыть глаза. И замирает, не дыша, на­стороженно следя за мной взглядом.

Чувствую себя гребаным извращенцем.

– Мы приехали. Ты не просыпалась.

Она хлопает ословелыми глазищами и принимается вер­теть головой по сторонам.

– Спасибо вам еще раз, Иван Савельевич.

– Угу. Смотри, в следующий раз меня может рядом и не быть.

– Следующего раза не будет, – шепчет Жанна, нащупы­вает ручку и торопливо выходит из машины. Ее губы скла­дываются в еще одно «спасибо», я киваю и сдаю назад. В обратном направлении шоссе свободно. И до дома я доби­раюсь гораздо быстрее. Завариваю чай. Сажусь на веранде,

как хотел еще вчера. Но в голове теперь столько мыслей, что даже здесь, в тишине, мне нет покоя. Прошрое, настоящее – все слилось. Я не глушу своих эмоций. Даже не пытаюсь. Хотя и владею специальной техникой. Напротив, я позволяю себе прожить весь этот непонятно откуда налетевший ураган чувств. Наверное, потому что в размеренном штиле моей устоявшейся жизни ураганы – явление довольно редкое. Мне банально интересно, что же это за хрень со мной происходит.

В этих размышлениях догорает день. Некстати вспоминаю о том, что Инна приглашала на обед. Но по всему уже поздно. Да к тому же я еще не решил, а надо ли оно мне – эти семейные посиделки.

Я беру паузу. Вечер перетекает в ночь. А я все думаю. Прислушиваюсь к себе. Меряю шагами притихшие комнаты. Удивляюсь как никогда густому туману, накрывшему ближе к утру округу. Такому плотному, что насилу вообще рассветло. Вожусь по дому. Понимаю, что еще чуть-чуть, и Инна вернется в город. А мы так и не пересеклись. Ее-то за что я наказываю? Да и себя? Хожу, вон, нетраханый. Хотя... она ведь с дочерью приехала. И вряд ли мне что-то обломится.

– Иван?

Вполне себе ровная реакция. В духе Инны.

– Приглашение на обед еще в силе? – топчусь на крыльце.

– Да. Конечно. Заходи. Только тихонько. В спальне Леська спит. Ты садись... Мы поели, но еще остались картошка и

мясо. – Инна склоняется над духовкой. На ней безразмерный свитер до середины бедер, который поднимается еще выше, когда она наклоняется, и вязанные носки. Ничего сексуального, но в паху приятно тяжелеет.

Она цепенеет, уловив мой голодный взгляд раньше, чем я сам осознаю, насколько ее хочу.

– К черту обед. Иди сюда.

Инна медленно поворачивается и послушно идет ко мне. Я не знаю, насколько стереотипны мысли о том, что все рыжие – горячие штучки. Но эта... невозможно меня заводит. Я не знаю, чего хочу больше. Отодвинув трусики в сторону, погрузиться в нее без всякой подготовки, так чтобы Инна вскрикнула. Или чтобы она взяла меня ртом. Впрочем, можно и то, и это... И опять она понимает мои желания раньше, чем они формируются в голове. Извлекает член и, глядя мне в глаза своими колдовскими глазами, берет его до упора. Я запрокидываю голову. Сжимаю в руках деревянные подлокотники древнего стула. Цежу воздух через стиснутые зубы. И жестко толкаюсь глубже. Я не помню, чтобы мне с кем-то было так хорошо. Инна – королева минета. Она доводит меня до точки, а потом отшвыривает вон. Выпускает изо рта с влажным сосущим звуком. А когда я, как пацан, матерюсь в ответ на этот произвол, жарко улыбается и принимается за дело снова. Но не в этот раз... В этот раз нас прерывает детский тоненький плач.

Нет, я, конечно, матерюсь, но уже совсем по другому по-

воду.

Глава 5

Жанна

Первым делом я проверяю содержимое сумочки. К удивлению, все на месте. Даже немного налички, которая завалилась в кошельке с доисторических времен. Времен без Apple рау. Впрочем, чему я удивляюсь? Учитывая то, кого подключили к поискам моего свэга, удивительно скорее то, что управляющий тем клубом не накинул мне тысчонку-другую. А что? В качестве моральной компенсации – было бы неплохо.

Кривлю губы в невеселой улыбке. Гремя замками, открываю дверь и, переступив порог, оглядываюсь, будто надеюсь увидеть здесь что-то новое. Но дома все как обычно. Хотя кого я обманываю? Здесь чудовищно пусто – ни отца, ни матери. Я совершенно одна. Если не считать бледной тени моей депрессии, что бродит за мной по пятам, куда бы я ни направилась.

Мы с ней так сроднились, что еще немного, и станем лучшими подружками. Снова кривлю губы в улыбке.

Пытаюсь оживить телефон, но все напрасно. Сбрасываю туфли на шпильке и, не глядя на себя в зеркало, бреду в комнату в поисках зарядного. Наверняка меня потеряли. Не только Лерка, но и мать, бабушки-дедушки. О том, что мне мог звонить и Илья, стараюсь не думать. Мне это не надо. Я

не из тех, кто будет ждать у телефона, пока мужик одумается. И не из тех, кто простит. Так почему же замирает сердце, стоит мне открыть список неотвеченных вызовов, среди которых его номера... нет.

Зато сто пятьдесят миллионов пропущенных от Лерки. Соскальзываю пальцем на кнопку «перезвонить».

– Лапина?! Тебя где носило? Господи! Я уже думала ментам звонить.

– Чего ж не позвонила? – агрюсь я, может быть, и несправедливо.

– Эй... Ты же сказала, что поедешь домой, вот я и...

– Ладно. Проехали. Как сама?

– Да вроде ничего, – промямлила Лера. – Слушай, у тебя что-то случилось? Голос какой-то странный.

Забираюсь с ногами на кровать. Касаюсь затылком прохладной стены, из-за тонкой мембраны которой до меня доносятся звуки жизни людей, которых я даже не знаю, разбавляя гудящую в голове панику. Наверное, до меня только сейчас в полной мере доходит, как же близка я была к чему-то страшному. И что если бы не Князев... Меня кроет. Дыхание сбивается. Как так вышло, что вся моя жизнь свелась к такому перманентному пиздецу? Еще год назад я ничего подобного не могла бы даже представить. А сейчас моя действительность колеблется от понятия «плохо» до «хуже не может быть».

– Жанн! – голос Лерки меняется. Она испугана моим мол-

чанием. И этот испуг сочится сквозь трубку телефона. – Хочешь, я приду?

– Хочу... – шепчу тихо-тихо. Телом проносится волна озноба. Смешно, что стресс меня догоняет только сейчас. Вот это я тормоз...

– Скоро буду! Ты только держись. Окей?

– Куда я денусь?

Лерка заявляется где-то через час. С коробкой дешевой магазинной пиццы и каким-то винищем. Меня передергивает. Я еще не скоро решусь на прием алкоголя. После всего случившегося мне важно знать, что мое сознание полностью мне подконтрольно.

Подруга тонко улавливает мое настроение. Пожимает плечами и, не дожидаясь приглашения, топает в кухню. В моих опустевших хоромах Лерка чувствует себя как дома.

– Можем и чай попить.

– Вот это давай, – киваю я, набираю в чайник воды и возвращаю на подножку, пока Лерка выставляет таймер на духовке.

– Эй! – вдруг замечает она. – Это что? – хватает мою руку. Ее голубые глаза широко распахиваются и заполняются неподдельной тревогой, когда она находит новые и новые синяки на моем теле. Их не так много. И они не доставляют мне особого дискомфорта. То, что у меня болит, с синяками вообще не связано. Это что-то в душе. Как я вообще дошла до такой жизни?

– Жанн... – Лерка конвульсивно сглатывает. – Какого хера? Кто это...

– Тот мудака. Ну, помнишь, который ко мне подкатил на танцполе?

Чайник щелкает. Я открываю дверцы шкафчиков. Достāju чашки. А потом мы с Леркой пьем чай, как парочка пенсионеров, и я рассказываю ей, что случилось.

– Извини, – качает головой эта дуручка.

– Да за что?

– Нужно было убедиться, что ты благополучно села в такси. Хорошая же из меня подруга! – горько замечает Лерка и тянется все же за бутылкой. Признаться, я и сама на нее злилась, рассуждая примерно так же, но сейчас от тех мыслей не осталось следа.

– Перестань. Ты ни в чем не виновата. Мне самой не нужно было с ним никуда идти. Кто ж знал, какая говенная эта идея?

О том, что меня опоили, умалчиваю. Мне стыдно, что я это допустила. Даже полные дуры знают, что нельзя оставлять свой стакан без присмотра, находясь в незнакомой компании. Умные не доверяют и близким.

Ерзаю на табуретке. Подтягиваю ногу к груди и, подумав, тянусь за треугольником пиццы. На вкус та как картон, но во мне неожиданно просыпается просто зверский голод.

– Че делаешь? – спрашиваю, жуя, когда Лерка хватается за телефон.

– Ищу фотку этого твоего Князева.

– Зачем? – сглатываю.

– Да так. Просто интересно, как он выглядит.

– И как? – слабо улыбаюсь.

– Никак.

– Никак?

– Угу. Он никакой! – ржет эта дура и толкает меня в бок локтем.

– Неправда! – я забираю из ее рук телефон, чтобы посмотреть на фотографию, которую Лерка нарыла на бескрайних просторах интернета. Если судить по ней, то Князев действительно никакой, да. Пожалуй, это самое верное слово. Проблема в том, что фото и на миллионную долю не отображает его настоящего.

– Как будто совсем другой человек, – качаю я головой.

– Чего? Это не он, что ли? – Лерка откладывает штопор в сторону и, вытянув шею, пялится на экран.

– Да он, он... Просто, как тебе объяснить? В данном случае фото вообще не информативно. Иван Савельич, он... – вспоминаю его волчий взгляд. Плотную ауру хищника, что его окружает. Походку, скупые, как будто эргономические движения, голос... – Не никакой, – добавляю я после короткой паузы.

– Так-так! Я требую подробностей! – Лерка подозрительно щурится. – Уж не имеем ли мы дела с распространённой схемой «жертва – спаситель»?

– Да ну тебя! – я притворно смеюсь и запускаю в подругу обгрызенным краем пиццы, на котором, естественно, нет начинки. И гоню... Гоню от себя воспоминания о Князеве. Потому что виной этому сумасшествию – экстази. Или что там за дрянь мне подсыпали? Не хочу вспоминать, как мне нравился его запах. Как меня позорно от него вело... Каким твердым ощущалось его тело под моими ищущими пальцами. И каким он казался желанным.

– Ну, а чего? Переключалась бы на него. Может, отвлеклась бы от всего этого дерьма с Илюхой.

– Мне теперь это дерьмо разгребать и разгребать, – хмурюсь я и встаю, чтобы сполоснуть чашку.

– Это еще почему?

– Потому что! Сейчас мой портрет определяется тем, как меня видят другие. Для большинства наших знакомых я – неудачница, которую кинули ради другой. Брошенка. Ты будешь пить? – перевожу тему, кивая в сторону так и не откупоренной бутылки.

– Нет.

– Вот и хорошо. Останешься? Я хотела сегодня лечь пораньше.

– Угу. Только матери звякну.

– Давай, – потягиваюсь и широко зеваю.

– И это... Жанн!

– Что?

– Ты не парься сильно. Поговорят и забудут. Сама знаешь,

как оно. Всем на всех по большому счету насрать.

Да, это точно. Конечно, забудут. Только как мне самой забыть об этом унижении?

Киваю и иду стелить постель. По крайней мере, этой ночью я не буду одна.

Несмотря на то, что я проспала практически целый день, засыпаю я, кажется, даже быстрее Лерки. Зато утром вскакиваю ни свет ни заря. Успеваю даже сварганить нам бутерброды на завтрак и убрать со стола объедки вчерашнего пиршества.

Илья подкарауливает меня под аудиторией. И это, конечно, не так, но мне кажется, что на нас все смотрят. Если честно, этот его приход – бальзам на мою израненную душу. Пусть видят, что это не я за ним бегаю. А еще лучше – пусть донесут той его... новой. Иду мимо, будто его не вижу.

– Жанн...

– Отвали. Я, кажется, сказала, что нам больше не о чем разговаривать.

Сама не знаю, откуда берутся силы вести себя как последняя стерва. Когда сердце колотится, как сумасшедшее. А на месте тех счастливых воспоминаний, что я безжалостно от себя отчекрыжила, полыхает фантомная боль. Мне до тремора в руках хочется его коснуться. Прижаться губами к красивым плотно сжатым губам, пропустись сквозь пальцы чернильные волосы. Хочу, чтобы он меня обнял и сказал, что это все неправда. Хочу, чтобы у нас все было по-прежнему.

Но как прежде уже не будет. Я молчу и толкаю дверь в аудиторию.

– Жанн! – Лерка смотрит на меня с тревогой. Вдох – выдох. Моя любовь к Илье – гребаная черная дыра, в воронку которой, кажется, вот-вот засосет мою гордость на пару с решимостью. Сжимаю крышку парты в руках так, что белеют пальцы.

– Я разрешаю меня застрелить, если я захочу обратно, – шепчу я слова песни Дакоты, которая крутится вот уже который день на репите в моих наушниках.

– Что?

– Говорю, пристрели меня, если я к нему захочу вернуться!

Хотя кого я обманываю? Я ведь только об этом мечтаю. Лекция по академической живописи проходит будто сквозь меня. Хреново, учитывая, что совсем скоро у меня экзамен по этому предмету. Наконец, звенит звонок. Молча сгребаю с парты свое барахло и иду прочь. Глупо надеяться, что Илья дожидается меня все это время. Но я все равно невольно кошусь на подоконник, где он сидел недавно. Лерка тащится следом. Мы молчим, потому что по случаю скорого начала сессии в коридорах универа даже более шумно, чем обычно. Настоящий дурдом. Все бегают, досдают хвосты в надежде получить автомат. Студенческая жизнь кипит. А мне в этом вареве тошно.

Резко сворачиваю. Толкаю дверь в туалет. Здесь тоже мно-

голюдно, но, конечно, не так. Когда мы уединяемся в кабинке, Лерка сначала молчит, только смотрит на меня все так же сочувственно, а потом не выдерживает:

– Ну, поговори со мной, мась...

– Что ты хочешь, чтобы я сказала? Что у меня зубы сводит – так хочется позвонить своему козлу-бывшему?

Наши взгляды сплетаются, и тут из-за хлипкой перегородки, разделяющей кабинки в туалете, доносится:

– Совсем спятила? Не вздумай этого делать!

Мы с Леркой переглядываемся и начинаем тихо угорать. Опускаю крышку унитаза и забираюсь на него одной ногой, чтобы посмотреть, кто же там, в соседней кабинке, такой умный.

– Привет! – машет мне рукой незнакомка, когда моя макушка показывается из-за перегородки. – Я – Маргарита. Можно Рита. Можно – Марго.

– Новенькая?

– Не, заочница. Может, найдем более подходящее место для разговора? – растягивает губы в широкой улыбке Рита. У нее стрижка под мальчика и классная тай-дай футболка. А еще она говорит очень здравые вещи. И я не вижу никаких причин, чтобы с ней не познакомиться.

– Я – Жанна. Это – Лера. Моя лучшая подруга.

– А с парнем что? – улыбается Рита.

– А ничего. Мудак он. Говорю ж.

– Ну, а тогда на кой ему звонить, правда?

Киваю. С этим не поспоришь. Заруливаем в столовку, где очередь не меньше, чем в Заре в черную пятницу. Выглядывать столик бесполезно. Да и вряд ли мы успеем что-то большее, чем выпить приготовленный на скорую руку кофе, до того как прозвенит звонок. Лерка с Ритой заводят ни к чему не обязывающий разговор, пока ждем, когда наш заказ придут. И меня это более чем устраивает. Я рада, что та переключилась с меня на нашу новую знакомую. Настроение совершенно паскудное, и я не хочу его портить еще и подруге.

– Ну, что скажешь?

– М-м-м? – мямлю я, упустив большую часть из их разговора.

– Спрашиваю, пойдешь ли с нами?

– Куда?

– Ты что, вообще не слушала? Марго занимается сапсерфингом. И в субботу зовет нас с собой.

– Это катание на доске с веслом?

– Угу!

– Разве еще не холодно? – я хмурюсь, не то чтобы в восторге от этой идеи.

– Не. Наденем гидрокостюм. У меня есть. Младшего брата, как раз будет на тебя в пору, – смеется Марго, окидывая меня демонстративно изучающим взглядом. Я закрываю глаза. Подколы насчет моего невысокого роста на меня уже давно не действуют.

– Так что? Вы согласны? Там ничего сложного. Я научу.

Даже инструктора брать не придется.

Переглядываемся с Лерой и синхронно киваем, соглашаясь. Сапсерфинг так сапсерфинг. Может, хоть отвлекусь.

Неделя тянется жвачкой. Несколько раз созваниваюсь с мамой, наконец, нахожу в себе силы рассказать той, что мы с Ильей расстались. Стараюсь, чтобы мой голос звучал бодро. Но когда нас разъединяют, без сил прислоняюсь лбом к стене. Вот бы еще самой поверить в то, что мы больше не вместе! Вот бы еще самой в это поверить...

В субботу выбираемся на воду. Народ на досках собирается на небольшом песчаном пляже чуть в стороне от пафосного яхт-клуба. Рите здесь все знакомо и ощутимо по вайбу. А мы – новички. Поэтому пока мы переодеваемся, та тараторит без умолку. Рассказывая нам, как они с друзьями нашли это место, о том, как следует себя вести, чтобы сразу не слететь с доски...

– Кстати, я на неделе имела несчастье тусоваться в одной компании с твоим бывшим.

Я как раз пытаюсь влезть в гидрокостюм. На секунду замираю и продолжаю, будто мне до этого дела нет.

– Правда?

– Угу. Хорошо, что ты ему тогда не позвонила. Там без вариантов. Вообще.

– Почему? – встревает в разговор Лерка, озвучивая то, что я не могу. Душит...

– Да потому что. Ты вообще в курсе, с кем он теперь? Нет?

Там же не девочка с улицы, а дочь самого Щербакова. Че? Не знаешь, кто такой Щербаков? Нефть... Газ. Твой краш метит попасть в его фирму уже этим летом. А дочь Щербакова – его верный пропуск. Ты что, не знала? – Рита осекается. Сводит белесые брови. – Черт. Не надо было мне это рассказывать, да?

Сглатываю огромный ком, образовавшийся в горле, и натянуто улыбаюсь:

– Нет. Все нормально. Пойдем, покажешь, как обращаться с этой штуковиной. Мы же за этим сюда пригнали?

Глава 6

Иван

Мне требуется некоторое время, чтобы вернуться на землю из верхних слоев атмосферы, куда я успеваю воспарить, до того как нас бесцеремонным образом прерывают. Мне дико хочется опустить ладонь на рыжий затылок Инны и заставить её закончить начатое. Чтобы этого не допустить, сильней вцепляюсь в подлокотники стула. Что угодно – лишь бы руки занять, пока не получается вернуть контроль. Инна смотрит на меня виновато, изящным жестом вытирает рот и совсем не изящно поднимается с пола. Она тоже как будто колеблется, кусает припухшие от усердия губы, но, в конечном счете, материнский инстинкт побеждает. Бросив еще один взгляд на мой лоснящийся от слюны член, она скрывается за хлипкой дверью спальни. Кажется, я замечаю на ее щеках легкий румянец...

Нет, я не жду, что она поступит как-то иначе. Но разочарование все равно вызывает вспышку неоправданной злости. Гашу ее усилием воли – все ж я не последний мудака. С трудом поднимаюсь со стула и прячу в штаны так и не опавший член.

Злиться я могу лишь на себя. Знал ведь, что она приехала с дочкой. А значит, не стоило и начинать то, что, с большой долей вероятности, мы могли не закончить. Вот почему

я сторонюсь любых сложностей. Мне не нравится сама мысль о том, что внимание моей женщины будет поделено. Пусть даже между мной и ребенком. Я слишком большой эгоист, чтобы довольствоваться меньшим, чем все.

В горле сухо. Открываю ящик над мойкой. Беру чашку и наливаю воды из-под крана. Вода идет прямиком из артезианской скважины, и я могу не бояться за ее качество. Я сам контролировал ход работ. И выбирал фильтры.

Взгляд цепляется за непечатую бутылку водки на окне. Моей любимой. Если Инна вдруг не стала бухать в одиночку, значит, поило было куплено для меня. А это в свою очередь означает, что она обо мне думала. Хотела угодить. Возможно, представляла, как мы проведем вместе вечер...

Мысли мечутся в голове. Я не могу понять, какие чувства во мне вызывает осознание этого факта. Любое посягательство на свою свободу я по привычке воспринимаю в штыки. Дебильность ситуации в том, что я и сам ей потакаю. Инна не в курсе, что этот флигель – часть моих владений. Я скупил близлежащие участки как раз для того, чтобы избавиться от соседей. Так что здесь до нее никто никогда не жил на моей памяти. Я не знаю даже, какой черт меня дернул ввязаться в эту авантюру. И почему эта идея мне показалась такой удачной. Просто с Инной мне так хорошо, что... Наверное, я просто хотел видеть ее почаще.

Дверь тихо хлопает. Я оборачиваюсь. И тут же весь подбираюсь.

– Что случилось?

– Леська горит. Так и знала, что не стоило ей расстегивать куртку, но разве ее уговоришь застегнуться? – Инна приглаживает включенные моими руками волосы. А я понимаю, что еще никогда не видел ее такой растерянной. В работе Инна совсем другая. Собранная. Жесткая. Волевая. Именно поэтому мне так сладко, когда она уступает. О, да. Мне нравится каждый раз брать над ней верх.

– Насколько высокая температура?

– Не знаю. Здесь нет градусника. Пойду, посмотрю в машине.

Чувствую себя глупо. Я не знаю, чем ей помочь. Да и ни к чему мне чужие проблемы. Но с другой стороны, привычка все контролировать не позволяет мне уйти прямо сейчас. Я чувствую свою... ответственность? Дерьмо. Ну, какого черта?

– Что? – свожу брови в линию, поймав её полный сомнения взгляд.

– Мне ужасно неловко тебя просить, но ты не мог бы посидеть возле Леськи, пока меня не будет? Буквально пару минут.

Какая идиотская все-таки ситуация. Сую руки в карманы и киваю. Понятия не имею, что буду делать, если малая опять заревет. Инна смотрит на меня в упор. Я тяжело вздыхаю и иду к Леське.

Что ребенок болен – понятно сразу. Ее бледные щеки ли-

хорадожно горят. Она вспотела, отчего кудряшки на голове собрались в тугие пружинки. У Инны такие тоже можно иногда наблюдать. Когда она взмокшая, после секса. Или сходила в душ. Я не знаю, зачем Инна так безжалостно выпрямляет свои волосы в остальное время. Кудри ей к лицу.

Пока смотрю, Леська хмурит брови. И поджимает бантики-губки. Ну, точно ведь заревет! Касаюсь ее тугой щеки пальцем. А она неожиданно накрывает мою руку своей крохотной горячей ладошкой и переворачивается на другой бок.

Вскоре на пороге спальни возникает обеспокоенная Инна. На меня она уже даже не смотрит. Задирает футболку дочери, ставит градусник и осторожно возвращает ее руку в прежнее положение. Так странно видеть ее такой. Для меня Инна – классный профессионал, о назначении которого я ни разу не пожалел. И чертовски умелая любовница. Но теперь, когда она предстает передо мной совсем в другом образе, должен заметить, что я мало что вообще о ней знаю. И это занятно.

– Ч-черт. Тридцать девять и два, – Инна трет виски. – Надо возвращаться в город.

Не то чтобы мне этого хотелось, но я не могу не предложить:

– Я могу вас отвезти.

Она поднимает ресницы, смерив меня странным взглядом.

– Спасибо. Но я не хочу бросать здесь машину.

Ну, конечно. Об этом я не подумал. Пока я размышляю над ответом, Инна вскакивает с постели дочери и начинает быстро собираться. Через пять минут мы выходим из дома. У меня в руках ее барахло. У нее – дочка. Она устраивает малышку в специальном кресле. Я знал, что она водит RAV 4, но не знал ни про это кресло, ни про то, что в салоне пахнет чем-то сладким. Как будто печеньем. И ее духами...

Инна пристегивает ремни, обходит машину и замирает, придерживая рукой открытую дверь:

– Извини, что так вышло.

– Ничего. Завтра исправишься, – заставляю себя улыбнуться. Она почему-то снова затихает. Как-то так неопределенно ведет плечом и, наконец, садится за руль. Смотрю вслед ее Тойоте, пока та не скрывается за поворотом. И шагаю к себе. Надо дать команду гайцам – ненавязчиво ее проводить. А то мало ли?

У ворот откуда ни возьмись выскакивает Шустрик. Кажется, Леська так его назвала? И принимается бодать мне ноги. Склоняюсь к усатому:

– Че? Забыли тебя? А как стелила поначалу... – усмехаюсь, вспоминая беззаботные Леськины «он будет жить с нами». – Ну, пойдем, хоть накормлю тебя. Изысков не обещаю, но где-то была колбаса.

Остаток вечера не могу отделаться от мысли, что меня кинули так же, как и этого помойного котяру. Иррациональное, глупое чувство. Которое только усиливается, когда я с опоз-

данием в час наутро приезжаю в контору, а меня вместе Инны встречает другая сотрудница.

– А Суворова где, позвольте спросить?

– Инна Дмитриевна на больничном, – бледнеет женщина. – Но она ввела меня в курс де...

Ухожу прежде, чем та успевает договорить. Излишне шумно хлопаю дверь. Какие, на хрен, больничные? На этой службе не болеют! И она в курсе... Прикладываю к уху телефон. Инна не отвечает. Меряю шагами комнату, когда заглядывает Антон.

– Это кто у тебя в приемной?

– А хрен его знает. Суворова вместо себя прислала.

– А она сама где?

– На больничном. – Хмурюсь. – Что ты хотел?

Обсуждение рабочих моментов затягивается едва ли не на час. Напоследок прошу Антона:

– Скажи этой тетке, чтобы возвращалась... Где она там до этого сидела?

– А вместо неё кого прислать?

– Никого. Все, иди...

Почему-то другая там, где всегда была Инна, бесит. Хотя, конечно, оставаться совсем без помощи – дурость чистой воды. Сам не знаю, что на меня нашло. Стучу пальцами по столешнице. И в этот момент мой телефон начинает вибрировать.

– Князев!

– Иван Савельевич... Вы звонили?

Ах да. В рабочее время мы на вы. Еще бы.

– Что за больничный, Инна? И какого хрена я до тебя не могу дозвониться?

В трубке что-то шуршит. Как будто она вздыхает. Или перекладывает телефон из одной ладони в другую.

– Извините. Я... Мы были на процедурах, и я не могла ответить.

– На каких еще процедурах?

– У моей дочери ларингит. Есть проблемы с дыханием. Поэтому нас оформили в стационар. Я могу попросить бабушек посидеть, когда у нее сопلي, но тут уж должна быть рядом. Извините.

Час от часу не легче. Я не люблю перемен. Мне важно чувствовать, что я все контролирую. Это мой пунктик. Совершенно по-идиотски хочется возмутиться – «Какой, на хрен, ларингит? Я не давал такого распоряжения!», но я прикусываю язык. Чувствую, как натягивается струна между мной и кучей работы, которую обычно я сваливаю на Инну.

– Ясно. У вас есть все необходимое? Или...

– У нас все есть. Спасибо, Иван Савельевич.

Интересуюсь, в какой они больнице. Инна отвечает, хоть и выдерживает театральную паузу, в которой мне чудится некоторая недосказанность.

– Ну, что там? – тороплю.

– Зря вы прогнали Надежду Сергеевну. Она вполне под-

готовлена, – тихо замечает Инна.

Уже доложили, значит. Хмыкаю. И жму на отбой. Я и себе самому не могу объяснить, что творю. Я ведь даже не представляю, что это такое – ларингит. И как долго Инна будет отсутствовать.

Сам звоню в ту больницу. Представляюсь и прошу соединить с главврачом. Выдыхаю, лишь когда убеждаюсь, что Леське будет обеспечен самый лучший уход. Оправдываю свой звонок тем, что он вообще-то в моих интересах. Я хочу, чтобы Инна как можно скорее вернулась в приемную.

Каждое утро я захожу в офис в надежде её увидеть. Я без нее как без рук. И это не пустые слова. Мне действительно не хватает этой женщины. Во всем, чего ни коснись. К среде я сдаюсь и возвращаю в приемную ту самую Надежду Сергеевну. Она неплоха, нет. Просто она... не Инна. Общение с которой, я только сейчас это до конца понимаю, по большей части носит невербальный характер. Как это проявляется? А хрен его знает. Каким-то непостижимым образом та просто предугадывает мои желания. Мне ей и говорить ничего не приходится. А уж тем более что-то ей объяснять. Даже кофе Инна умудрялась варить тогда, когда мне его хотелось. Бывало, я только подумаю об этом, а она уже несет поднос... О том, как это проявляется в сексе, я уж вообще молчу.

К концу недели мое настроение окончательно портится. Я извожусь. Наверное, в тысячный раз беру трубку, чтобы, по крайней мере, ее услышать. Но в последний момент откла-

дываю телефон в сторону. Я стараюсь не анализировать такое свое поведение. Потому что те выводы, которые напрашиваются, настолько не к лицу человеку моего возраста и положения, что даже смешно! Сам себе напоминаю сопляка, который орет в голос и топает ножками, потому что ему не дали конфетку. Мерзкое, стыдное чувство. Но я не могу избавиться от гаденькой мысли, что меня бросили на произвол судьбы намеренно. Посмотри, мол, Иван Савельевич, как тебе без меня приходится!

Знаю. Глупость жуткая. Но уж как есть.

Когда вечером пятницы Антон будто вскользь предлагает прогулку под парусом, шлю его лесом. Настроение – дерьмо полное. Какие уж тут паруса? Но подумав, меняю решение. Погоду обещают хорошую, а яхтинг – это моя давнишняя страсть.

Мы отчаливаем ближе к одиннадцати. Река в этом месте достаточно широкая, я все равно не могу до конца расслабиться и кошусь на народ, который чуть дальше по берегу осваивает другие виды водного транспорта. Мимо проносятся скутер, за которым, опасно раскачиваясь, мчит мужик на водных лыжах.

– Смотри в оба, пока не отойдем подальше, – хмурюсь я. Беру бинокль и бесцельно скользя взглядом по оккупировавшей узкую полосу пляжа молодежи. Больше всего народу, конечно, на досках с веслами.

– Это че? – интересуюсь я.

– Сапсерфинг, Иван Савельевич. Хотите попробовать?

Качаю головой. И снова утыкаюсь в бинокль. Мое внимание привлекает что-то неуловимо знакомое в тонкой девочке с желтым веслом. Навожу резкость. И узнаю... Жанну. Видно, что на доске она новичок. Но задора ей не занимать. Да и с балансом у девочки все в порядке. Я вижу ее так отчетливо, будто она совсем рядом. Коротко стриженная девушка с соседней доски что-то ей говорит. В ответ Жанна широко улыбается, обнажая идеально ровные зубы, и подставляет лицо налетевшему ветру. Тот ласкает ее, шевелит волосы, от чего девочка блаженно жмурится. Она беззаботна и молода. На ее коже мурашки, а на щеках и курносом носу – жаркие поцелуи солнца. И на миг я будто сам становлюсь таким же. Молодым и беззаботным, как она. Вспоминаю те давно забытые ощущения.

Жанна чуть поворачивает голову и раздраженным жестом отводит от лица прилипшие черные пряди – видно, не один раз она слетала с доски в холодную реку. Я полностью поглощен происходящим, но все равно успеваю заметить, что чувак на флайборде подлетел к ней непозволительно быстро. Я открываю рот, но... Черт? Что тут скажешь? А главное, кому? И Жанна, и тем более этот пацан, находятся от нас на приличном расстоянии. Но у меня зудит... зудит за грудной. И мое волнение не напрасно. Буквально в тот же миг горе-летчик все же не справляется с управлением, пикирует прямо на девчонку, и они вместе уходят под воду.

Глава 7

Жанна

Лерка замечает Илью первой. Бледнеет лицом. И бурчит, с опаской на меня косясь:

– Вот же кого я не думала сегодня увидеть.

– Тише ты! Не хватало, чтобы он услышал. Выставишь меня полной дурой, – цежу и улыбаюсь-улыбаюсь... Будто моя жизнь целиком на вайбе.

– Что случилось-то? – недоумевает Марго.

– Там этот мудака, – шипит в ответ Лера. Я чуть истерично смеюсь – называется, объяснила – так объяснила.

– Вообще-то моего бывшего зовут Илья. Но, видимо, из солидарности со мной, Лерка его переименовала.

– Не, ну, в принципе, правильно. Why not? Мудак – он и в Африке мудака. Давай пятюню.

Эти две дурочки ударяют в ладошки и ржут. Я тоже, глядя на них, улыбаюсь. Улыбаюсь так широко, что кажется, еще немного, и маска беззаботности, которую я надела, едва увидев Илью, вот-вот пойдет уродливыми трещинами.

Он успел загореть. И без футболки выглядит как парень с обложки журнала. Мои пальцы дрожат. Мои пальцы помнят, как они скользили по его золотистой коже. Помнят выемки и уступы...

– И эту свою притащил.

– Да не пялься ты на них! Больно надо.

– Пикник у них, похоже, намечается. Хотя куда ей жрать, вот скажи мне?

Мы подходим к доскам. Марго берет свою и плавным движением руки указывает нам на две другие. Те довольно здоровые. Метра три, не меньше. Я думаю о том, как спустить эту бандуру на воду, и как потом на ней удержаться. Думаю, что, наконец, остались в прошлом дожди. И что, может, теперь мне станет легче. Я думаю о чем угодно, лишь бы не думать о нем. Не о нем, да. И не о его новой девушке.

Мне кажется, взгляд Ильи выжигает узоры на моей скрытой гидрокостюмом коже. Но я даже не оборачиваюсь, чтобы узнать – смотрит ли он на меня в самом деле. Вдруг я опять себе что-то придумала?

– Да. Жрать ей точно не стоит. Большие задницы, конечно, в моде. Но...

– Прекратите! – смеюсь, делая вид, что мне и впрямь пипец как весело.

– Нет, ты послушай! Ведь должен же у мужика быть какой-то излюбленный типаж. Я права, Марго?

– А то.

– И вот скажи мне тогда, как он мог после тебя, тонкой-звонкой, переключиться на эту жируху?

– Она симпатичная, – пыхчу я, сталкивая доску на воду. Хоть и надувная, она весит не меньше десяти килограмм.

– Хотела бы я посмотреть, как она втискивала себя в этот

Шанелевский костюмчик.

– Кто вообще выражается в Шанель на пикник? – возмущается Лерка. А я стараюсь не обрасти комплексами. В моем гардеробе хоть и есть брендовые вещи, но сравнивать достаток моих родителей с доходом её – глупость. Да-да... Накануне я, как последняя мазохистка, гуглила, кто же такой этот Щербаков. А потом нашла и Инсту Арины...

– Те, у кого в гардеробе ничего другого нет, – пожимает плечами Марго и первая забирается на доску. – Кстати, это возвращает нас к вопросу номер один.

– Это к какому же?

– Как он мог после Жанки переключиться на Щербачиху.

– Не улавливаю связи.

– Ну, как же? Мы выяснили, что она вообще не в его вкусе. Значит, трахать её Илюшу заставляет совсем другой интерес.

Я стараюсь не вздрогнуть на слове «трахать». Я стараюсь этого не представлять. Но черная ревность костлявой рукой рвет мою душу в клочья.

– Связи её папочки? – тянет Лерка, смерив Марго задумчивым взглядом. – Да, ты, наверное, права.

Не хочу продолжать этот разговор. Поэтому концентрируюсь на том, что делаю. Взобраться на доску – это одно. Устоять на ней – совсем другое. А ведь еще нужно грести.

– Думаю, тебе тоже стоит с кем-нибудь замутить, – выдает подруга и, высунув язык от усердия, опускает в воду вес-

ло. Кажется, мы находимся слишком близко друг от друга. Однако все мои попытки отплыть тщетны. После очередного такого маневра мы обе оказываемся в воде. Рофлим, повалившись на доски, отфыркиваемся.

– Да ну тебя!

– Я серьезно!

– Если надумаешь с кем-то мутить, выбирай парня побогаче, – ухмыляется Марго. Мы с Леркой синхронно приподнимаем брови. Нам бы такое даже в голову не пришло. Выбирать мужика по толщине кошелька! Зачем? Абсурд какой-то. Мы же не эскортницы.

– А что? – моргает Лерка, – Щербачиха твоего Илюху на своем БМВ катает. Значит, нам нужен парень, по крайней мере...

– С Мазератти? – Я опять смеюсь, хотя мне ни черта не весело. И даже мышцы лица болят от этого притворного смеха.

– Почему бы и нет? Пусть знает наших! Он же, наверное, думает, что ты по нему слезы льешь. А тут ты такая...

– На Мазератти! – захлебываюсь смехом и снова слетаю с доски. В рот и нос попадает вода. Глотку дерет. Мокрую голову обдаёт ветер и заставляет ежиться. С удивлением я замечаю, что мне это нравится. Устойчивость требует предельной концентрации, и мысли об Илье отходят на второй план. Вот бы еще эти дурочки прекратили мыть нам кости и вслух размышлять о том, как ему отомстить. А впрочем, я отплыла уже на достаточное расстояние. До меня доносятся

лишь обрывки их разговора. И громкие взрывы смеха.

– Эй, Лапина! Ты куда это рванула?

– От вас подальше.

Я подставляю лицо солнцу и ветру. К черту все! Такой хороший день. Я не позволю его испортить! Слизываю воду с губ. В мерном плеске воды растворяются отчаяние, боль, ревность и прочие атрибуты моего дерьмового настроения. Вот бы удержать это чувство покоя в себе навсегда...

В действительность меня возвращает странный рокот. Открываю глаза и вижу возле себя парня на флайборде. Меня несколько нервирует его близость. Я теряю концентрацию и только в последний момент удерживаюсь на доске.

– Тебе что, места мало? – ору я. Но вряд ли тот меня слышит, потому что за каким-то чертом еще ближе подлетает ко мне! А потом все происходит просто в одну секунду. Он срывается с высоты. И мы падаем. Висок обжигает боль. На некоторое время я, кажется, даже теряю сознание. Что было после – помню смутно. Кто-то помог мне выбраться на берег. Тот самый парень, или кто-то другой...

– Эй! Ты как? Крови дохренища!

Я дрожу. Ошалело смотрю по сторонам. Мы порядком отплыли, и до пляжа, где я бросила свои вещи, нужно еще пройти. Трясу головой. Но от этого только хуже. На мой гидрокостюм падают ярко-алые капли. И правда кровь – осознание приходит с задержкой.

Пока я пытаюсь собрать мозги в кучу, набегает народ.

– Ты совсем придурак?! Чуть ее не угробил!

– Да я и сам не пойму, как так вышло, бро...

– Нужно вызвать скорую!

– Нет... – сиплю я. – Все нормально.

– В каком месте нормально? Ты вся в кровищи! У кого-нибудь есть вода?

– Зачем?

– Рану нужно промыть. И осмотреть...

Я даже не знаю, кому принадлежат эти голоса. Где Лерка с Марго? И что мне делать дальше? Ну, ведь и впрямь я хрен дойду до пляжа. Ближе – яхт-клуб. Может, оттуда и вызвать такси? Не откажут, поди, эти буржуи в помощи простой смертной? А, впрочем, как я поеду? Так? В гидрокостюме? Нет. Нет! Надо как-то добраться до своих вещей. Там и деньги, и телефон, и ключи от квартиры.

– Вызывайте скорую! Её вон как трясет!

Кого? Обхватываю себя за плечи ладонями и понимаю, что трясет-то меня. Так серьезно трясет, что стучат зубы. Где-то в небе протяжно кричит птица. Я зачем-то запрокидываю голову к солнцу, яркий свет которого чайной ложкой выедает глаза. И почти в то же мгновение на меня набегает тень. Я медленно опускаю ресницы. И поднимаю их снова, лишь когда поверх моих рук на плечах ложатся чужие руки.

– Эй... Жанна! Ты как?

То, что я вижу – настолько бредово, что в это даже не веришь. Он не может быть здесь. Таких совпадений не бывает.

Я Моргаю. Но нет же... Нет! И тяжесть чужого касания на плечах, и требовательность взгляда...

– Иван Савельевич?

– Ну, раз узнала, значит, не все так плохо.

Не знаю, откуда появляется вода. Он льет мне на рану. Деловито ощупывает ту, щуря волчьи глаза, отчего в их уголках глубже проступают морщинки.

– Сейчас мы поедem в больничку. Ты как? Сможешь дойти до стоянки?

Я не считаю, что мне нужна врачебная помощь, о чем уже успела сказать, но... Возразить Князеву почему-то не получается. Я каким-то шестым чувством понимаю, что мне не стоит даже пытаться. Если он что-то для себя решил, спорить бесполезно.

– Я в порядке. Но мне нужно переодеться.

– Жанка! Господи, ты меня до усрачки просто напугала, – доносится как сквозь вату голос Леры. – Где тот мудачина, что тебя сбил?

– Эй! Выбирай выражения! – бурчит какой-то парень в толпе. Видимо, тот самый мудачина. Эх, не завидую я ему. Хотя и себе не завидую тоже. Голова трещит просто нещадно.

– Да я тебе и не такое скажу! Я тебе сейчас глаз на жопу натяну, глядишь, зрение улучшится!

– Твоя подружка? – интересуется Князев, и уголок его плотно сжатых губ чуть съезжает влево. Не знаю, почему, но

мне трудно отвести от него взгляд. Он так близко, что я вижу поры на его коже. Частую белесую щетину и взявшийся коркой порез от бритвы.

– Подружка! Меня Лера зовут. А вы кто? – шуруется Лерка и переводит взгляд на меня, мол, это тот, с фотографии? Я киваю. Лерка округляет глаза. И уже гораздо менее дерзко косится на Князева снова.

– Иван Савельич, я машину подогнал, – вмешивается в разговор еще один незнакомец. Здесь вообще собралась приличная толпа. Я как раз вкладываю пальцы в протянутую руку Князева, когда к ней присоединяется запыхавшийся Илья.

– Жанн! Ты как? Черт... Крови-то сколько!

Он хватает меня за подбородок и поворачивает голову так, чтобы было видно рану. И столько в его синем взгляде страха за меня! Столько ужаса, что я не знаю, чего мне хочется больше – утешить его или самой утешиться. В его руках. Я колеблюсь. Потом резко, так что темнее в глазах, отстраняюсь.

– Тебе-то какое дело? – замечаю холодно и иду куда-то, не разбирая дороги. Мне так плохо, что на какое-то время я забываю даже, что продолжаю на автомате сжимать руку Князева. Вспоминаю о нем, лишь когда он освобождается из моей хватки, чтобы открыть для меня дверь машины. Оказывается, это он меня вел, а не наоборот.

– Я испорчу вам салон, – замечаю растерянно и ежусь. То-

го и гляди зареву.

– Давай я сгоняю за нашими вещами? – предлагает Жанка, которая пошла за нами. Ее восхищенный взгляд скользит по лакированному черному боку Князевского Гелендвагена. И задерживается на его руке, которой он заботливо меня придерживает.

Иван Савельевич артачится, но мне удастся его убедить, что за десять-пятнадцать минут со мной ничего не случится. А вещи... Вещи ведь и впрямь нужно забрать. Не слишком охотно он со мной соглашается.

Лерку мы ждем в пафосном ресторане яхт-клуба. Князев отдает распоряжение принести мне плед и заказывает черный сладкий чай с лимоном. Он сам укутывает меня... Сам разливает кипяток. И от этой заботы... Не знаю. Мне почему-то становится хуже. Хочется взять его за руку и прижать ладонь к щеке. А еще мне ужасно стыдно за то, что ему приходится со мной возиться. Вот уже во второй раз. Я вообще не понимаю, зачем он это делает, если честно. Этот вопрос приходит в голову не только мне одной. Лерка озвучивает его первым делом, как только мы с ней уединяемся в шикарной раздевалке, чтобы переодеться. А я действительно не знаю, что ей ответить.

– Может быть, они были дружны с папой больше, чем я думала.

– Или он на тебя запал.

– С ума сошла? – устало вздыхаю я. И на время прислоня-

юсь головой к прохладной стене. Кровь уже не льет из меня фонтаном, но порез все же достаточно глубокий, а потому все еще сочится.

– А что, если я права? – не сдается Лерка. – Зачем бы ему над тобой кудяхтать, как курица-наседка? Кстати, ты права. На фото он совсем не такой, как в жизни. У меня от него мурашки. Вот... посмотри.

– Фантазерка ты, Лера. Пойдем. Нужно с этим скорее заканчивать. Стыдно, что человек его уровня убивает на меня столько времени.

– Не хотел бы – не убивал.

Опять же – что тут скажешь? У меня нет объяснений его поведению. И нет сил его анализировать. С каждой минутой мне все хуже. Переодевание вконец меня измотало и потребовало намного больше сил, чем я могла бы представить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.